

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/94/11

Взаимоотношения казахов, казаков и российской администрации на Сибирской пограничной линии в XIX в.

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан, prohorov1974@mail.ru

Аннотация. XIX век – время активного взаимодействия казахов Среднего жуза, сибирских казаков – обособленной части русского народа, российских властей на сибирском фронтире с казахской степью. С одной стороны, Российская империя активно продвигалась вглубь степей, с другой – казахи массово пересекали Сибирскую пограничную линию, кочевали в Томской и Тобольской губерниях, осваивали новые для себя виды хозяйственной деятельности. Взаимоотношения казахов и русских в этот период характеризуются историками и исследователями полярно: с одной стороны – противостояние, с другой – выгодное сотрудничество, хозяйственный и культурный симбиоз.

Ключевые слова: Томская губерния, Пограничное управление сибирскими киргизами, казахи, Омская область, сибирские казаки

Для цитирования: Прохоров И.Р. Взаимоотношения казахов, казаков и российской администрации на Сибирской пограничной линии в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 84–94. doi: 10.17223/19988613/94/11

Original article

The relationship between Kazakhs, Cossacks and the Russian administration on the Siberian border in the 19th century

Igor R. Prokhorov

National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, prohorov1974@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to reveal the essence of the relations between the Kazakhs of the Middle Zhuz, the Siberian Cossacks and the Russian border administration in the 19th century. It is important to note that many materials on this topic have not yet been fully introduced into scientific circulation. Russian Russians and Siberian Cossacks, as part of the Russian people and Kazakhs, and in a broader sense Slavs and Turks, are still relevant in Kazakhstan and Russia, and need an unbiased study and rethinking in connection with new conceptual approaches formed in the post-Soviet period. Archival sources revealing the nature of the relationship between the Cossacks, Russians and Kazakhs on the Siberian border, the activities of the Russian administration in the Middle Zhuz are collected in the Russian State Historical Archive (RGIA), the Russian State Military Historical Archive (RGVIA), the State Archive of the Tomsk Region (GATO), the Historical Archive of the Omsk Region (IAOO), the State Archive of the Orenburg Region in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan in Almaty (CGA RK), as well as in the State Archive of Astana city of the Republic of Kazakhstan (GAGA RK). The author explores the interaction and conflicts of Kazakhs, Cossacks and the Russian administration on the Siberian border. In addition, the principle of consistency was used, which made it possible to consider the administrative-territorial and political transformations in the territory of the Middle Zhuz, the relationship of the Siberian Cossacks with the Kazakhs as a long historical process. The author comes to the conclusion that the interaction of Kazakhs, Siberian Cossacks and the Russian border administration helped to solve the long-standing problems of Kazakh society: baranta (cattle rustling), inter-tribal disputes, conflicts over the ways of nomadism. The Russian administration has also taken a number of effective measures to successfully incorporate Kazakhs who moved to the empire, protect their rights and economic opportunities. At the same time, conflicts between ethnic groups were not systemic in nature, they were often caused by external factors, namely the influence of foreign powers.

Keywords: Tomsk province, Border management of Siberian Kyrgyz, Kazakhs, Omsk region, Siberian Cossacks

For citation: Prokhorov, I.R. (2025) The relationship between Kazakhs, Cossacks and the Russian administration on the Siberian border in the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 84–94. doi: 10.17223/19988613/94/11

Введение

Взаимоотношения казахов, сибирских казаков и российской администрации нашли отражение в документах представителей государственной власти. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 1265 «Первый Сибирский комитет» отложились важные материалы о переселении казахов Среднего жуза в пределы Российской империи через Сибирскую пограничную линию в начале XIX в. В Сибирском комитете были сосредоточены сведения об экономическом и социально-политическом состоянии региона, готовились реформы по его административно-территориальному переустройству. В частности, по архивным делам можно проследить меры российской администрации по регулированию наплыва казахских переселенцев в российские пределы, а также дать оценку отношениям власти и сибирского казачества к казахам как новым жителям Российской империи [1].

В Государственном архиве Оренбургской области запечатлелись сведения как о восстаниях казахов против российской власти, так и о развитии различных форм сотрудничества представителей двух этносов, решении российской администрацией застарелых проблем казахского общества – баранты, межродовых распрей, споров за пути кочевания [2].

В историческом архиве Омской области (ИАОО) в фонде 3 «Главное управление Западной Сибири в Омске» собраны сведения о взаимодействии казахов и сибирских казаков, реализации реформы М.М. Сперанского и введении в жизнь «Устава о сибирских киргизах», о ситуации во внешних округах дореволюционной Омской области [3].

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) в фонде 374 «Пограничное управление сибирскими киргизами» имеются данные об административном регулировании отношений казахов и сибирских казаков [4].

В фонде 369 ЦГА РК «Акмолинское областное правление» собраны сведения о спорах и взаимодействиях казаков и казахов, делопроизводстве в судах, экономическом и общественном взаимодействии этносов [5].

В фонде 430 Государственного архива города Астаны Республики Казахстан (ГАГА) «Материалы, собранные в зарубежных архивах» нами выявлены архивные дела об участии сибирского казачества в подавлении восстания Кенесары Касымова, взаимоотношениях казахов и казаков [6].

Также в качестве важных исторических источников использованы исследования и материалы российских исследователей XIX – начала XX в. Среди них выделяются труды историка Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаева [7], российских военных, администраторов и исследователей Н.А. Аристов [8], М.П. Хорошкина [9], Ю.А. Гагемейстера [10], Н.Н. Балкашина [11], А. Гейнса [12], И.И. Крафта [13].

В XX в. история взаимодействия Сибирского казачьего войска с казахами Среднего жуза нашло свое отражение в работах Н.Г. Апполовой [14], Н.В. Алексеенко [15], Е. Бекмаханова [16], исследовавшего по-

литические аспекты и историю национально-освободительных движений.

В работах казахстанских историков периода независимости М.Ж. Абдирова [17], Х.А. Аубакировой [18], Ж.С. Мажитовой [19], Р.Х. Сариевой [20] освещается участие сибирского казачества в подавлении восстаний казахов против российского присутствия в регионе, злоупотреблений чиновничества.

В свою очередь, современные российские историки отмечают, что российские власти действовали в интересах казахского населения как внешних округов, так и переселившихся в российские регионы с целью улучшить его экономическое и социальное положение [21]. В работах томского историка В.П. Зиновьева дается анализ демографической ситуации в регионах Степного края, делается вывод о этническом характере разделения труда в регионе [22].

В трудах западных авторов история взаимодействия сибирского казачества и казахского населения освещается с точки зрения колониальной политики Российской империи. Зачастую западные специалисты ограничивались лишь описанием военных конфликтов между казахами и русскими, говорили о столкновении славянской и тюркской цивилизаций [23]. Элизабет Бэкон ограничивает взаимодействие между властью и народами Центральной Азии, включая казахов, только военным подчинением Степного края и насильственным распространением русской культуры [24]. Одна из последних работ, по-новому рассматривающая характер отношений между русскими, казачеством и казахами, создана Ю. Маликовым. В своем исследовании казахско-казакских отношений на сибирском фронтире автор доказывает, что межэтнические контакты не основывались на военном противостоянии, напротив, характеризовались взаимной выгодой, плодотворными контактами, обменом ценными товарами и технологиями [25].

Результаты

Конец XVIII – начало XIX в. – время активного переселения казахов в пределы Российской империи. Причинами тому стали нестабильная политическая и хозяйственная ситуация в Среднем жузе, ослабление ханской власти, а также воинственная политика Кокандского ханства и Ташкентского владения в отношении казахов.

Казахстанский историк Е. Бекмаханов, в частности, указывает, что по приказанию кокандского хана Алима (1799–1809) был организован военный поход в окрестности Туркестана и Ташкента. «Войска хана, как голодные шакалы, заняв степи Дешт-Кипчака, сделали степной простор для казахов маленьким, как глаз муравья, и темнее, чем могила... Войска, похожие на тигров, вихрем пронесли по казахской степи, чтобы замучить и разорить дотла казахов» [16. С. 159].

В 1798 г. значительная часть казахов Среднего жуза, бывших подвластных хана Аблая, чрез старшину Айходжу муллу Кочина обратилась с прошением к императору Павлу I о дозволении им кочевать между русских крепостей – Семипалатинской и Омской. Ко-

чин добавлял, что и другие многие султаны и старшины Среднего жуза со своими подданными в Российское подданство вступить желают. Именным Высочайшим указом императора Павла I от 23 июля 1798 г. было разрешено Сибирскому начальству давать убежище как Кочину с приверженцами, так и всем казакам, которые будут об этом просить. Изложенные российским исследователем И. Крафтом обстоятельства показывают, что фактическое присоединение к России казахов Среднего жуза (за исключением принятых вместе с Малым жузом) началось в 1798 г., но совершалось, как пишет И. Крафт, «тихо, без всякой торжественности и без выстрелов» [13. С. 9–10].

В 1820-е гг. ташкентский кушбеги (правитель) решил подчинить себе казахов не только Старшего, но и Среднего жуза, организовал военные походы против казахов и сбор налогов [16. С. 167]. В записке I Сибирского комитета, датированной февралем 1821 г., об иностранцах, переходящих в Россию через Сибирскую линию, говорится: «...киргизцы [казахи] переходят в Россию: по причинам крайней бедности, междоусобных ссор, лучших выгод для скотоводства, наконец, по честолюбию [жажда почестей, стремление к почетному положению] старшин и родоначальников. Переходя, таким образом, в разных обстоятельствах в Россию, рядовые киргизцы впоследствии остаются или в работах у крестьян и линейных казаков, либо на вечной, а другие на временной только кочевке и весьма малой частью занимаются хлебопашеством» [1. Л. 2 об.].

Также в этом документе указывается, что «выгода, доставляемая от них [казахов], состоит в том единственно, что прилегающие к линии жители имеют верных и прилежных работников и что с перегоняемых ими [в Россию] табунов взимаются от ста скотин по одной: лошади в ремонт для казачьих полков, прочий же скот для содержания госпиталей. В таковых переходах виден крайний беспорядок, неограниченность правил и даже потерян счет переселившимся» [1. Л. 3].

В этой связи Томский гражданский губернатор Д.В. Илличевский собрал сведения о кочующих по линии киргиз-кайсаках и представил 6 февраля 1817 г. Сибирскому генерал-губернатору М.М. Сперанскому свое мнение, состоящее в том, «чтобы сих киргизцов привести в известность надлежащею переписью, и по числу душ наделить землями, из которых некоторые входят в черту горного ведомства. Обложить их податями в виде ясака, учредить между ними постоянные волости, и определить им со стороны губернского начальства одного или двух комиссаров. Перепуск из заграницы киргизов на временное кочевание для прокормления скота оставить в настоящем положении, но с ведома комиссаров. По представлению сему не сделано никакого дальнейшего распоряжения и остается оное неразрешенным» [1. Л. 16 об.–17].

Также томский гражданский губернатор предлагал «для составления основательного по сему предмету порядка принять следующие начала: переходящих киргизцов в работники, приписывать к тем селениям, где они быть пожелают в обеих [Томской и Тобольской] губерниях. Прибывающий таким образом киргиз войдет в то сословие и подчинится тому начальству,

которому селение принадлежит. А именно, поступающий в губернское ведомство к государственным крестьянам будет государственным крестьянином, поступающим к ясадным причислен к оным; в заводском ведомстве будет заводским крестьянином, а в казачьих станицах – казаком» [1. Л. 3 об.].

Предполагалось таких переселенцев освобождать на пять лет от податей и службы, предоставить им право обзаводиться домами, свободно сохранять веру и наделять по числу душ земель, как местных жителей. Были также планы разделить казахов, переходящих со стадами на кочевку, на подданных и временно кочующих. Первым отвести земли вдали от линии, даже сближая с оседлыми поселениями, сделать перепись, разделить на волости, назначить границы владений каждой волости и предоставить им свободу кочевать и обрабатывать землю, не переходя только за межи [1. Л. 4].

Однако выяснилось, что внутри российской территории земли разных административных образований, в частности Томской губернии и заводского ведомства, на тот момент были разграничены не полностью. Таким образом, чтобы упорядочить расселение казахов, нужно было установить границы земель между губернским и заводским ведомством в Томской губернии, где без всякой пользы для последней считали целую степь никем не занятой. Таким образом, у казахов собирались организовать управление по примеру других кочевых народов Сибири. По истечении срочной льготы они бы начали платить ясак. Но для начала нужно было выяснить точное количество таких переселенцев. Для этого томский губернатор предлагал «киргизцов и других иностранцев в вечное подданство перепускать не иначе как через таможенные заставы, в коих по удобности записать и уже переселившихся» [1. Л. 4 об.].

Что же касается казахов, переходящих лишь на временную кочевку за Сибирскую пограничную линию, то предполагалось «киргизцам, на временную кочевку переходящим, быть на землях на линии отведенных и состоять как в переходе, так и в местном управлении в единственной зависимости от линейного казачества. Они должны переходить только на зиму, давать в казну положенную часть скота» [1. Л. 5].

В свою очередь, начальник Отдельного Сибирского корпуса (в него входило Сибирское казачье войско) генерал-лейтенант Глазенап в своем представлении управляющему Министерством полиции пояснял, что с просьбами об отводе земель кочующим на линии казахам обращался он неоднократно к Тобольскому и Томскому губернским начальствам, также и в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства, однако «не только никакого отвода земель не сделано, но [канцелярия Колывано-Воскресенского горного округа] настаивает, чтобы киргизам непременно не позволять находиться в черте заводской и для того сблизить оных к самой линии, то есть, к реке Иртышу» [1. Л. 11].

Между тем казахи, перешедшие в российские границы, кочевали в Томской губернии по линии, начиная от редута Татарского по крепость Семипалатинскую и далее по редут Пьяногорский. В отчетах ука-

зывалось, что «число сих киргизцов простирается до 9 тыс. человек мужского пола, они состоят в непосредственном заведовании военного пограничного начальства» [1. Л. 12 об.].

Итак, правил для отвода земель казахам по данным на 1821 г. еще не было, власти не знали и точного числа переселившихся. При этом линейным пограничным командирам неоднократно давались высочайшие повеления их принимать в российские пределы. Последовала целая серия таких указов: 15 июля 1788 г., 20 февраля 1789 г., 30 сентября 1797 г., 23 июля 1798 г., 20 января 1800 г. «Сими указами велено отводить земли киргизцам на внутренней российской стороне границы. Некоторым из них дозволялось в летнее время переезжать на заграничную сторону, а осенью обратно возвращаться на российскую» [1. Л. 13].

Кроме того, части переселенцев разрешили поселиться в Семипалатинской округе, с отводом им для хлебопашества и скотоводства достаточного числа земли. Этими приглашениями дело не ограничилось.

В 1808 г. вышло высочайшее положение о тех казахах и их детях, которые, придя в бедственное состояние, покушались даже на продажу детей своих в рабство хивинцам, по торговле приезжающим. Этим положением было велено казахам селить внутри линии и приписывать в казенные селения магометанского и даже христианского исповедания. В селениях, в которых поселят казахов, указывалось нарезать им соразмерное количество земли. Казахам сверх других выгод определена 10-летняя льгота от платежа податей и всякого рода службы [1. Л. 13 об.–14].

По сведениям, полученным Первым сибирским комитетом от военного начальства, в 1808 г. числилось казахов по дистанциям: Железинской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской и Бухтарминской: мужчин 2 415, женщин 2 004 чел.; итого – 4 419 чел. Однако по сведениям, собранным гражданским начальством, считалось в 1808 г. только в Семипалатинской и Ямышевской дистанциях 15 тыс. человек. Из них верноподданных 11 тыс., неверноподданных 4 тыс. чел. Сколько переселенцев кочевало в других российских административных единицах вдоль сибирской линии оседлых поселений на тот момент (1808), данных не было [1. Л. 18].

Конечно, новшества как среди переселенцев, так и в самой казахской степи приживались с трудом. И взгляд на происходившее сквозь розовые очки не выдерживает проверки свидетельствами очевидцев. Вот, к примеру, российский ученый-ориенталист Петр Пашино в путевых заметках 1866 г. приводит свидетельства степного пристава о жизни перешедших на оседлость казахов: «С этими джатаками [оседлыми] ничего не поделаешь. Выстроишь им избу, дашь лошадь, корову и другую скотину; поле вспашешь за него и посеешь, казалось бы, живи – не хочу, а он продаст тихомолком хлеба на корню да купит себе юрту, расставит ее на гумне да свистит целую зиму в кулак... Стада да табуны свои забыл, а к земле привычки не получил, заботы о будущем не имеет. Проживет на линии год ли, два ли, три ли, до тех пор, пока не сколотит деньги на новую юрту, на коня да пару баранов, и уезжает в степь опять» [26. Л. 4].

Что же касается сибирских казаков, то к началу XIX в. общее их число достигло 6 тыс. человек мужского пола. Борьба с Францией заставила правительство вывести все регулярные войска из Сибири. Охрана сибирской границы с казахскими жузами была возложена на казачество. В 1808 г. был утвержден штат Сибирского линейного казачьего войска, состоявшего из 10 конных полков, каждый пятисотенного состава. Всего в войске положено было держать по штату 5 950 человек, не считая конноартиллерийской бригады в 12 орудий [27].

Как поясняет Георгий Катанаев, в начале XIX в. сплочение разбросанных по разным западносибирским городам казаков закончилось сформированием из них на пограничных линиях 10 конных полков и двух конных батарей. Они образовали Сибирское линейное казачье войско, переименованное в 1861 г., с включением в него всех тобольских, томских и сургутских городских казаков, просто в Сибирское казачье войско [28. С. 2].

Сибирское служилое казачество комплектовалось исключительно по царскому указу и воеводскому наказу не только набором нужных людей, но и прямой ссылкой пленных «черкас» (так русские называли малороссов и запорожских казаков), «литвы» (поляков) и «немцев». Состав сибирских служилых людей был переполнен иноземцами, до французов включительно. Поляки даже составляли особые команды «казаков литовского списка», «черкасы» – также. Сотни польских и малороссийских фамилий, встречающихся в среде сибирских казаков, показывают, что иноземное дерево, посаженное на здешнюю почву, не заглохло, а, напротив, укоренившись дало хорошие ростки [28. С. 3–4].

В 1820-е гг. Россия не только принимает казахов-переселенцев, но и вводит в Среднем жузе новый порядок управления. Создаются внешние округа специально созданной с этой целью Омской области. Округа управляются административными единицами – приказами, во главе которых стоят старшие султаны, в подчинении у них находятся два русских и два казахских заседателя. При приказах основываются станицы. Так возникли казачьи поселения Кокчетавское, Каркаралинское (1824), Баян-Аульское (1826), Акмолинское (1827) [29. Л. 46].

Опыт управления казахами внешних округов Омским областным начальством оказался неоднозначным. Областному начальству приходилось заниматься одновременно вопросами русского оседлого и казахского кочевого земледелия. Поэтому с 1 января 1839 г. в Омске начало действовать отдельное административно-судебное Пограничное управление сибирскими киргизами. Особенности его заключались в том, что в его состав входили стряпчий (помощник прокурора) казенных и уголовных дел, ассессор из казахов в числе четырех советников управления. Омская область упразднялась. Города Омск, Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, все казачьи станицы, селения причислялись к соседним Тобольской и Томской губерниям [13. С. 44].

Общее число населения во внешних округах киргизской степи в 1852 г. составляло: казахов мужского

пола – 181 731 чел., женского – 154 091. Русских: мужского пола – 11 591 чел., женского – 8 099 чел. Итого мужчин – 193 680, женщин 162 408, обоего пола 356 088 чел. [29. Л. 41 об.].

В 1861 г. издано новое положение для Сибирского линейного казачьего войска, которое было усилено присоединением к нему Томского городского полка, Тобольского пешего батальона, Тобольского конного полка. В 1868 г. присоединенные полки были упразднены, а нижние их чины обращены в гражданское состояние [9. С. 51].

По данным 1865 г. сибирские казаки находились в Акмолинской области (Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Сарысуйский, Акмолинский уезды) Семипалатинской (Павлодарский, Каркаралинский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский уезды и Зайсанское приставство), Томской губернии (Бийский уезд) [9. С. 52].

В 1880-е гг. сибирские казаки проживали в Акмолинской и Семипалатинской областях по Горькой и Иртышской линиям в числе до 60 тыс. чел. обоего пола между русским населением и бывшими территориями Среднего жуза, а в числе 35 тыс. чел. обоего пола посреди казахских кочевий у Кокчетавских пресных озер, по р. Иртыш в Павлодарском и частью Семипалатинском уездах. Сверх того, 6 тыс. казаков обоего пола проживали посреди русского населения в принадлежащем императорскому кабинету Бийском округе Томской губернии [11. С. 27].

16 января 1836 г. последовало высочайшее повеление об изъятии дел о тяжких обидах, наносимых сибирскими казаками инородцам, из ведомства уездных судов и о подчинении суду военно-судных комиссий. Если же обиду нанесли сами казахи, то в Омской области сибирские казаки, как и все русские жители, со своими претензиями к казахам по делам о преступлениях и проступках должны были обращаться к суду биев, совершать для этого дальние поездки в степь и вверяться неизвестным им обычаям. Это было признано неудобным, и высочайше утвержденным 12 декабря 1837 г. положением Сибирского комитета установлено: «...сибирских киргизов (казахов) за преступления и проступки, учиненные ими в городах и селениях, подвергать суду по общим законам империи» [13. С. 43].

Для прекращения скотокрадства (баранты), которое к тому же, как выяснилось, поддерживалось прилинейными жителями, в 1854 г. были утверждены следующие правила: «...удаление в степь киргиз, кочевавших на землях казенных селений, отдача в солдаты тех из киргиз, которые изобличались в краже или приводе краденных лошадей, и строгие наказания для сибирских казаков – укрывателей и сбытчиков краденного. Сибирские казаки за это предавались военному суду и прогонялись через строй. Специально для борьбы со скотокрадством были учреждены в Сибирском казачьем войске особые должности в числе 8 следственных приставов [13. С. 49–50].

Как видим, казахов и сибирских казаков за скотокрадство наказывали одинаково строго.

К тому же еще раньше, 28 июня 1753 г., был издан указ об установлении наказаний русских и казахов в крепостях по Сибирской линии. Так, казахов за во-

ровство предписывалось наказывать «кошками», а за «предерзости с ножом» – бить кнутом. Русских, виновных в таких же проступках против казахов, подвергали таким же наказаниям «по самой справедливости в полной мере» [13. С. 27–28].

Теперь обратимся непосредственно к ежедневным бытовым и хозяйственным отношениям казахов и казаков на Сибирской линии. Историк Сибирского казачьего войска Георгий Катанаев свидетельствует, что при первоначальном появлении на линии почти каждый казах представлял обыкновенного голыша-бедняка, лишившегося скота и не могущего следовать при перекочевках за своим аулом. На первое время он нанимался в поденщики или работники, жил так год или два, просил затем перевезти к себе для совместного житья семью или родственников, которые по прибытии поселялись тоже сначала в качестве работников по дворам или пастухами у казаков. Года через три-четыре казахи эти обыкновенно приселялись к сородичам, более или менее прочно водворившимся особыми зимовьями на окрестных землях. В большинстве раз поселившийся таким образом казах уже не возвращался в степь на постоянное жительство; там, в степи, ему уже нечего делать; здесь его прикрепляли вновь усвоенные привычки, потребности, заработки всякого рода: в извозе, ямщине, найме на весеннюю и летнюю страду у русских, карауле казачьих зимовок и хозяйства на Бельгае, рыбных ловлях, поставке и таскании дров на пристанях и других услугах. Казачий историк свидетельствует: «Ныне [1893 г.] зимовых юрт уже совсем не существует; всюду [близ казачьих селений] они заменены более постоянными – землянками и деревянными избушками, сгруппированными местами как бы деревнями. Уже немало было просьб со стороны киргиз не только о закреплении за ними насиженных ими казачьих земель, но и о совершенном обращении их в казаки с оставлением лишь в магометанской религии» [30. С. 21–22].

По данным Акмолинского областного правления, по всей линии поселений сибирского казачьего войска большинство казахов ближайших к поселениям волостей кочевали или в станичном юрте, или на участках, арендуемых от войска, где имели зимовья. Так, например, по Омскому уезду у казахов Курганской волости летние и зимние стойбища были расположены в соседстве трех казачьих поселков Николаевской волости, в юртовом наделе этих поселков. То же наблюдалось по Петропавловскому уезду в казачьих станицах Полуденской и Становой и по Черлаковской станице Омского уезда. От поселка Елизаветинского и до поселка Крутойрского киргизы трех аулов Черлаковской волости устроили зимовки на землях Тюкалинского округа, в смежности с юртовым наделом казаков Черлаковской станицы. Помимо этого, в каждом без исключения казачьем поселке жили казахи разных волостей – или перебиваясь работами у казаков, или нанимаясь пасти скот станичников [5. Л. 9].

Г. Катанаев специально посвятил часть своей работы «Земельный вопрос в Сибирском казачьем войске» исследованию жалоб казахов на притеснения со стороны сибирских казаков. Он указывал, что прииртыш-

ские казахи по устройству своего хозяйства оказались наиболее близки к быту казаков, а по зажиточности своей и запасам корма для скота стояли выше не только кокчетавских казахов и своих степных родичей Павлодарского уезда, но и самого казачества. Таким образом, говорить, что казахи были только бедняками в услужении у сибирских казаков, было бы неправильным. Находясь в России, богатели самые бедные казахи, превосходя по богатству как своих сородичей в других регионах, так и самих сибирских казаков [7. С. 67].

Как отмечает исследователь, казахи, при всех своих невзгодах и неудовлетворенности многих своих пожеланий по части землепользования, единодушно отвечали отказом на предложения о зачислении их в казаки в целях уравнивания в правах и наделах с последними. «Не прельстило [казахов] предстоящее в таком случае освобождение от кибиточной подати и всякого рода других, платимых ими земских и частных сборов, ни право решения общественных дел и землепользования разными угодьями наравне с казаками; ни право на бесплатное получение равного с казаками 30-десятинного надела и прочих казацких “вольностей” и “преимуществ”. Они хорошо знают эти вольности и преимущества, ибо на их глазах происходит “выбивание” из казаков денег на воинское снаряжение, на их глазах сажают в “кутузку” неисправных казаков, у этих неисправных продают с публичного торга скотину и разное имущество на заведение обмундирования, снаряжение и вооружение, на их глазах уходят молодые казахи в рабочую пору в полки, а остальные в лагери» [7. С. 68].

Исследователь, сравнивая выгоды проживания казахов большую часть года не в занесенных снегом и разобщенных с внешним миром степях, а при русских поселениях, с теми дополнительными платежами, какие за эти преимущества вносятся казаками войску и казакам, признает таковые крайне умеренными [7. С. 6].

Он указывает, что «все казачьи повинности и обязательные платежи превосходят таковые же у прииртышских казахов более чем в 5,4 раза. Это следует всегда помнить, когда говорится о “подневольном” положении киргиз на казачьих землях и “помещичьих” по отношению с ним правам казаков. Нет поэтому ничего удивительного в том, что, когда “подневольным” киргизам в целях избавления их от излишних платежей в пользу “поработителей”-казаков и уравнивания их с последними предлагается одинаковое с казаками землепользование и права с одним лишь обязательством несения общих с казаками повинностей, киргизы отвечают единодушным отказом» [7. С. 156].

Тем не менее вопрос об улучшении условий и правил аренды земель имел, к примеру, для Семипалатинской области самое существенное значение ввиду широкого развития у населения области хозяйства не на своей, а на арендованной земле. Основными территориями, где местными жителями арендовалась земля, служили Бельгагачская и другая степи, прииски, принадлежащие Кабинету Его Императорского Величества, и казачьи земли вдоль обоих берегов Иртыша. Арендаторами были мещане из городов, не приписавшиеся к поселкам крестьяне-переселенцы, а главным

образом казахи, которых числилось к началу XX в. в степях Кабинета около 29 тыс. и на казачьих землях свыше 63 тыс. душ обоего пола. «Вопрос об устройстве этих киргиз возбужден особо, причем администрация Семипалатинской области уже высказала взгляд на желательность самых существенных изменений в правилах арендования киргизами как казачьих земель, так и степей Кабинета Его Императорского Величества» [31].

Чиновники Акмолинского областного правления сообщали, что у казахов давно завязались близкие отношения с сибирскими казаками, они видят постоянную необходимость один в другом. Нужно, например, казаку работника, он нанимает казаха; наступит лето уборка хлебов и трав, ее отбывают наймом казахи. С другой стороны, и казахи в своих нуждах обращаются зачастую к казакам, и те ссужают их и деньгами на подать, и хлебом, пользуясь при этом процентом, превышающим 50. Такие отношения установили близкую связь казахского и казачьего населения. В связи с интересами возникали разные споры между казаками и казаками, заводили дела по жалобам казаков на казахов и наоборот. Чаще и больше всего возбуждалось дел казаками по искам к казахам за похищение скота, потравы лугов и полей казахским скотом, по долговым обязательствам [5. Л. 10].

В свою очередь, казахи предъявляли иски о невыплаченной им заработной плате, о самовольстве и самоуправстве казаков. Что же касается судопроизводства, то зачастую, как свидетельствуют документы, иски сибирских казаков оставались без удовлетворения, а правосудие было на стороне казахов. Вот, к примеру, как рассматривались два дела 1852 г. о взыскании денег с казахов Кушмурунского округа по прошениям урядника Шерстобитова и казака Кокорина [32]. Так, урядник просил взыскать 148 руб. 57 коп. серебром с казахов Еманалы-Киреевской волости, потерявших пять его лошадей, при этом предоставил расписку от казахов. Прошение рассматривал управляющий должностью пограничного начальника сибирских киргизов полковник Клейст. В результате казахи, «по непредставлению просителем доказательств, были оставлены от дела свободными» [32. Л. 4]. В свою очередь, казак Кокорин, не указав сумму, просил взыскать за побои, нанесенные ему казаками того же округа Сиван-Киреевской волости. Однако выяснилось, что «Кокорин никаких улик не предоставил, и вовсе из киргиз, нанесших ему побои, никого не указал, кроме киргиза Тойгунбека Сейкебаева, у которого будто бы ночевал, но тот от всего отрекся и на очной ставке не был уличен. Дело было закрыто с предоставлением казаку права искать доказательства» [32. Л. 5].

Совсем по-другому рассматривались дела, когда они касались высокопоставленных чиновников. Показательно в этом смысле следственное дело 1848 г. по обвинению заседателя Кушмурунского окружного приказа Краузе в нанесении побоев бию Баймурзину и казашке Тлеповой в кочевьях Янсары и Байдалы. В этом случае чиновники, чтобы увести Краузе от ответственности, перевели его в другой приказ – Аман-Карагайский, затем дали ему должность заседателя

Омского земского суда по корчемной части [33. Л. 48]. Аналогичным образом развивались события в деле по обвинению заседателя Аман-Карагайского приказа Барковского и толмача Бадрызинова в присвоении от барантовщиков лошадей [34]. Ушел от ответственности и заседатель Каркаралинского приказа Янов, неоднократно обвиняемый в 1851 г. во взяточничестве и вымогательствах денег с казахов [35].

В Петропавловском уезде возбуждалось много следственных дел по жалобам казахов на казаков, занимающихся рыбной ловлей и габарным промыслом по озерам в степи и допускающих при этом потравы лугов. «Большинство жалоб предъявляется уездным судьям и станичным судам, часть приносится уездным начальникам, которым, бывало нередко случаев, удавалось приводить стороны к соглашению и прекращать их претензии миром при обоюдной друг другу уступке» [5. Л. 10].

Наиболее сложно, на наш взгляд, развивались отношения казаков и казахов Бухтарминского края, входившего в Бийский округ Томской губернии, затем в Змеиногорский уезд той же губернии [36. С. 53].

В этой местности землю арендовали не казахи у казаков, а наоборот. При этом казаки жаловались, что «правильность аренды у киргизов ничем не обеспечена: «Хочешь на следующую весну посеять хлеб, – глядишь, а киргиз тайно продает уже проданную землю другому, да еще отрицает, что от первого арендатора деньги им уже получены. А не то, случается, приготовишь пашню, вдруг явятся несколько человек киргизов и грозятся отобрать ее, как свою, так что приходится вторично платить за нее. А мы ничего не можем поделать, потому что находимся в загороди (т.е. отовсюду окружены киргизами)» [36. С. 55].

Как свидетельствует Евгений Шмурло, отрезка земли в 1894–1895 гг. для дополнительного надела Алтайской станице оказалась настолько разорительной для казахов, что часть их принуждена была совсем перейти на кабинетские земли: «1-е старшинство волости, в количестве 164 кибиток, часть 2-го, около 40 кибиток, совершенно выбрались в Томскую губернию и там вели свое хозяйство на правах аренды. Казаки же, поселенные в далеком глухом углу, с единственной возможностью прокормить себя земледелием, лишены были главного – пахотной земли. Положение поистине трагическое, и нам невольно припоминаются сказанные казаками в 1896 г. с глухим озлоблением слова: “Не самовольством же нам уходить отсюда: ведь мы люди военные!...”» [36. С. 35–36].

В целом же до 1880 г. сибирские казаки не имели достаточно времени и возможности, чтобы полностью отдаваться хозяйственной деятельности. Служба отвлекала казаков от хозяйства, и поэтому до 1880 г., когда срок службы ограничили, у казаков преобладало скотоводство, требующее меньше рабочих рук, чем, например, хлебопашество. Скотоводство, по местным условиям его ведения, не требовало много рабочих рук, а местные казахи давали дешевую рабочую силу, особенно приспособленную для скотоводческого хозяйства.

В 90-х гг. XIX в. земледелие в казачьих станицах значительно расширилось. Казаки не только были вполне обеспечены продовольствием сами, но избытки

хлеба сбывали на сторону, в степных районах – казахам, около железных дорог и судоходных рек – на железную дорогу и на пароходы [37. С. 172].

Ситуацию с этническим разделением труда в прилинейных регионах разъясняет томский историк В.П. Зинovieв. По его данным, к концу XIX в. межэтническое разделение труда в Семиреченской области, как и в других областях Степного генерал-губернаторства – Акмолинской и Семипалатинской, сохранялось применительно к наиболее крупному казахскому этносу, который по-прежнему занимался традиционным скотоводством. Также следует отметить, что казахи этой области, как и других регионов Сибири, в большинстве своем чуждались городам и почти не занимались индустриальным трудом. В то же время семипалатинские казахи прибегали к земледелию как к основному способу жизнеобеспечения значительно чаще других своих сородичей [22. С. 123].

Казахское население к середине XIX в. в прилинейных регионах значительно выросло. «В 1863 г. в Семипалатинской области проживали 145 675 кочевых инородцев [так называли казахов], оседлых инородцев [ташкентцы, татары, заграничные выходцы] – 1 960 чел.» Общее количество жителей Семипалатинской области составляло 186 027 человек [38. Л. 1–2]. С другой стороны, казахи осваивали новые для себя виды деятельности, свидетельством чему стал рост казахов-купцов. В купеческом сословии числились 954 казаха (купцы с семьями) [38. Л. 2 об.].

Анализ показывает, что сословная идентичность казахов Семипалатинской области практически не была нарушена к концу XIX в. В имперские сословия перешли только 1 722 казаха, из них 573 чел. относились к мещанам. Таким образом, лишь 0,28% казахов Семипалатинской области утратили сословную идентичность, в то же время традиционные занятия животноводством утратили около 27% казахов. Казахи Семипалатинской области в три раза чаще, нежели в Акмолинской области, оставляли традиционное животноводство ради земледелия, однако расстаться с сословным статусом «инородца» не спешили, так как несли более легкие повинности по сравнению с крестьянами или мещанами империи [39. С. 144].

По данным переписи 1897 г., коренные жители Акмолинской области – казахи – занимались преимущественно животноводством – 75 758 чел. (89,1%), земледелием – 3 163 (3,8%), услугами 2 719 (3,3%), торговлей – 924 (1,1%). В остальных сферах хозяйствования были представлены немногие из коренного народа области. В городах жили 6 758 казахов, в том числе самостоятельных – 2 596 чел. [40. С. 153].

Отдельный вопрос – о причинах и движущих силах восстаний казахов против российской власти. Многие российские исследователи, в том числе российский историк Н.А. Середа, основываясь на данных архивов, считают, что главной причиной восстаний казахов против русской власти были действия среднеазиатских государств Хивы и Коканда, а не внутренние социально-экономические мотивы, колонизационная политика Российской империи [41. С. 541].

Такая точка зрения находит подтверждение в документах российских военных. Так, после нападения

предводителя крупнейшего восстания казахов против российской власти Кенесары Касымова на Акмолинское укрепление российские военные сделали вывод, что по расположению центра мятежа – на западе гор Улытау – и доходящим сведениям причиной восстания стали действия правителей Коканда и Хивы. Последние не только снабдили Кенесару порохом и свинцом, но и прислали своих эмиссаров для сбора ясака. Таким образом они намеревались подчинить себе казахов Среднего жуза [42. Л. 46].

В свою очередь, исследователь Н. Балкашин указывает, что Кенесара Касымов десять лет волновал Среднюю и Малую Орды, пытался силой уничтожить органы российской власти в казахской степи, понуждал казахов откочевывать от Оренбургской и Сибирской линий к среднеазиатским странам и при этом сносился с Бухарой и Хивой [11. С. 22–23].

Обратимся непосредственно к документам эпохи. Так, в июле 1834 г. хаким (правитель) Ташкента Лашкар-кушбеги отправил российским подданным – султанам и биям Кокчетавского внешнего округа – воззвание с призывом сопротивляться России. Он также обещал поддержку в случае начала восстания: «Сами же вы приезжайте к нам, для вас под летние кочевки и зимовки в здешней стране мест очень довольно, начиная от рек Семи конуров до рек Чу, Сыр и до урочища Улытау, которые уже опорожня, изготовил. Если бог поможет, то без благодеяния не оставим. Впрочем, ежели чего-то еще вам будет нужно знать, то удостоверьтесь на словах у Калкана-батыра» [43. Л. 169 об.–171 об.].

Также Лашкар-кушбеги в сентябре 1831 г. прислал российским подданным – акмолинскому султану Кобыркульдже Кудаймендину, биям подразделения алтай и карпык племени аргын Среднего жуза – предложение откочевать со своим народом из российских пределов на реки Сыр, Чу и Кобыр, заплатить хану Коканда пошлину, но так, чтобы русские власти об этом не узнали. После того, сообщает Лашкар-кушбеги «с варварами, то есть с русскими, будем вести переговоры». Таким образом, налицо стремление организовать диверсию против российской власти в казахской степи, лишить Россию подданных, а коренных жителей – родной земли [43. Л. 5–6].

Аналогичное письмо в июне 1834 г. Лашкар-кушбеги отправил биям подразделений куандык и сундык племени Аргын Среднего жуза. В нем он призывает восстать против России и откочевать в пределы Кокандского ханства. Он обещает казахам, что «если бог поможет, мы не оставим, чтобы не освободили вас от русского государя, в чем вы, лучшие алтаевцы и карпыковцы, будьте весьма уверены» [43. Л. 135–136].

Одна из крупных откочетов казахов Среднего жуза из русских пределов под влиянием пропаганды Лашкара-кушбеги и под прикрытием отрядов Кенесары Касымова произошла в 1837–1838, затем часть казахов вернулась в прежние места, в российские пределы [42. Л. 26.]

В 1844 г. хивинский хан Рахимкули, также во время восстания Кенесары Касымова, направил письмо султанам-правителям Орды оренбургских казахов (административная единица Российской империи) Баймухаммеду Айчувакову и Араслану Джантюруну в котором требовал, чтобы главнейшие казахские роды Оренбургского ведомства – алимудинский, байудинский и табынский – платили дань Хиве. Хан пишет, что эти роды «с древнейших времен, будучи нашими подданными, платили нам зекет и из Хаварезма (Хивы) выменивали все нужное для них. Пусть этих племен [русские] не касаются, а, сохраняя долг присяги свято, передадут потомству союз дружбы» [44. Л. 40].

Заключение

Начало XIX в. – время активного переселения казахов Среднего жуза в пределы Российской империи, на территорию Томской, Тобольской губерний, Алтайского горного округа. Местные и центральные власти предприняли необходимые меры для встречи и размещения переселенцев. Встречали их с сочувствием, готовностью помочь, и никакого отрицательного отношения, неприятия к ним не было. Делалось все возможное для организации кочевания казахов на новых землях или добровольного перехода их к оседлости. Кроме переселения в пределы России взаимодействие казахов, сибирских казаков и российской администрации налаживалось во внешних округах Омской области, затем функции управления казахами были переданы Пограничному управлению сибирскими киргизами (казахами).

Одной из важнейших задач российской администрации во внешних округах стала борьба с застарелыми проблемами казахского общества: скотокрадством (барантой), межродовыми распрями, спорами за пути кочевания. Правительство России стремилось защитить казахов от самоуправства и произвола, обид со стороны сибирских казаков. Для этого был издан ряд положений законодательного характера. В целом казахи-переселенцы и жители внешних округов были приравнены в правах к жителям Российской империи. Налаживалось взаимовыгодное хозяйственное взаимодействие казахов и казаков. Казахи осваивали новые для себя виды деятельности: земледелие, ремесла, торговлю. В свою очередь, казаки для ведения хозяйства нуждались в рабочих руках казахов. Казахи не только были подсобными рабочими в казахских хозяйствах, но и смогли разбогатеть, вести собственное хозяйство, некоторые из них переходили в купеческое сословие. Наряду с внутренними социально-экономическими мотивами, важнейшей причиной восстаний казахов внешних округов против российской власти была подрывная деятельность среднеазиатских государств Хивы, Коканда, Бухары, считавших этих казахов своими данниками.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 1. Д. 320.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 222. Оп. 1. Д. 11.
3. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1652.

4. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 374. Оп. 1. Д. 2489.
5. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2104.
6. Государственный архив города Астаны Республики Казахстан (ГАГА). Ф. 430. Оп. 2. Д. 8.
7. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск : Тип. Окр. штаба, 1904. 201 с.
8. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы : очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим, 2001. 582 с.
9. Хорошхин М.П. Казачьи войска : опыт военно-статистического описания. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1881. 67 с.
10. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1854. Т. 3. 115 с.
11. Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1887. 56 с.
12. Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям // Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. 589 с.
13. Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург : Типо-лит. Н.Н. Жаринова, 1898. 215 с.
14. Апполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М. : Наука, 1976. 371 с.
15. Алексеенко Н.В. К вопросу о торговых связях сибирских крестьян и казаков с казахами в XVIII – первой половине XIX вв. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 108–113.
16. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992. 400 с.
17. Абдиров М. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казачьей колонизации края XVI – начала XX вв.). Астана : Елорда, 2000. 204 с.
18. Аубакирова Х.А. Участие сибирского казачества в подавлении национально-освободительного движения казахского народа под предводительством султанов Саржана и Кенесары Касымовых (1824–1847 гг.). : дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2000. 130 с.
19. Мажитова Ж.С. Военное присутствие в северо-западном Казахстане в XVII–XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 1997. 25 с.
20. Сариева Р.Х. Колониальная политика царизма в Казахстане на примере Тургайской области (1868–1914 гг.). : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 17 с.
21. Дацышен В.Г., Зиновьев В.П., Лысенко Ю.А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 340 с.
22. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в областях Степного генерал-губернаторства по данным переписи населения 1897 г. // Евразийский мир: история, культура, ценности : материалы междунар. науч.-практ. конф. (12 мая 2023 г.). Астана : Казахстан. филиал Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2023. С. 115–123.
23. Аллворт Э. Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. М. : Центрполиграф, 2016. 383 с.
24. Bacon E. Central Asians under Russian Rule: A Study in Culture Change. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1968. XI, 273 p.
25. Malikov Y. Tsars, Cossacks, and Nomads. The formation of a borderland culture in Northern Kazakhstan in the eighteenth and nineteenth centuries. Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2011. 321 p.
26. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. : путевые заметки П.И. Пашино. СПб. : в тип. Тиблена и К° (Неклюдова), 1868. 176 с.
27. ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 88.
28. Катанаев Г.Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб. : Изд. В. Березовский, 1908. Вып. I. 115 с.
29. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1 Д. 2582.
30. Катанаев Г.Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск : Тип. Окр. Штаба, 1893. Кн. XV, вып. II. С. 1–38.
31. Семипалатинский Областной Комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Журналы заседаний 9, 12, 16 и 19 Октября 1902 г. // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. Киришбума, 1903. Т. LVII: Степной край. 114 с.
32. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2487.
33. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 832.
34. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 833.
35. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2493.
36. Шмурло Е.Ф. Русские и киргизы в долине верхней Бухтармы (материалы для истории заселения Бухтарминского края) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Семипалатинск : Типо-лит. Торгового Дома «П. Плещеев и К°», 1907. Вып. 3. 64 с.
37. Сибирский казак : войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска 1582–1932. Харбин : Изд. Войскового представительства Сибирского казачьего войска, 1934. 176 с.
38. ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5297.
39. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Семипалатинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 142–147.
40. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Акмолинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 152–156.
41. Середа Н.А. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838–1847). Ч. 1 // Вестник Европы. 1870. Т. 4, № 8. С. 541–573
42. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 1569.
43. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 348.
44. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3392.

References

1. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 1. File 320.
2. The State Archives of the Orenburg Region (GAOO). Fund 222. List 1. File 11.
3. The Historical Archives of the Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 1. File 1652.
4. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 2489.
5. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 369. List 1. File 2104.
6. The State Archives of the City of Astana, Republic of Kazakhstan (GAGA). Fund 430. List 2. File 8.
7. Katanaev, G.E. (1904) *Kirgizskiy vopros v Sibirskom kazach'em voyske* [The Kyrgyz Question in the Siberian Cossack Host]. Omsk: Tip. Okr. Shtaba.

8. Aristov, N.A. (2001) *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy: ocherki istorii i byta naseleniya zapadnogo Tyan'-Shanya i issledovaniya po ego istoricheskoy geografii* [Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: essays on the history and life of the population of the western Tien Shan and studies on its historical geography]. Bishkek: Ilim.
9. Khoroshkhin, M.P. (1881) *Kazach'i voyska: opyt voenno-statisticheskogo opisaniya* [Cossack troops: A military-statistical description]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
10. Gagemeyer, Yu.A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. St. Petersburg: Second Section of His Majesty's Own Chancery.
11. Balkashin, N.N. (1887) *O kirgizakh i voobshche o podvlastnykh Rossii musul'manakh* [About the Kirghiz and generally about the Muslims subject to Russia]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
12. Heins, A.K. (1897) *Sobranie literaturnykh trudov Aleksandra Konstantinovicha Geynsa* [Collection of literary works of Aleksandr Konstantinovich Heins]. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
13. Kraft, I.I. (1898) *Sudebnaya chast' v Turkestanskom krae i stepnykh oblastyakh* [Judicial Part in the Turkestan Region and Steppe Regions]. Orenburg: N.N. Zharinov.
14. Appolova, N.G. (1976) *Khozyaystvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoy polovine XIX vv.* [Economic development of the Irtysh region in the late 16th – first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
15. Alekseenko, N.V. (1966) K voprosu o torgovykh svyazyakh sibirskikh krest'yan i kazakov s kazakhami v XVIII – pervoy polovine XIX vv. [On trade relations between Siberian peasants and Cossacks and Kazakhs in the 18th – first half of the 19th centuries]. In: Gorovoy, F.S. (ed.) *Voprosy agrarnoy istorii Urala i Zapadnoy Sibiri* [Issues of the agrarian history of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: [s.n.]. pp. 108–113.
16. Bekmakhanov, E. (1992) *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 1820–1840s]. Alma-Ata: Kazak universiteti.
17. Abdirov, M. (2000) *Zavoevanie Kazakhstana tsarskoy Rossiei i bor'ba kazakhskogo naroda za nezavisimost' (iz istorii voenno-kazach'ey kolonizatsii kraia XVI – nachala XX vv.)* [The conquest of Kazakhstan by tsarist Russia and the struggle of the Kazakh people for independence (from the history of military-Cossack colonization of the region in the 16th – early 20th centuries)]. Astana: Elorda.
18. Aubakirova, Kh.A. (2000) *Uchastie sibirskogo kazachestva v podavlenii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya kazakhskogo naroda pod predvoditel'stvom sultanov Sarzhana i Kenesary Kasymovykh (1824–1847 gg.)* [Participation of the Siberian Cossacks in the Suppression of the National Liberation Movement of the Kazakh People Led by Sultans Sarzhan and Kenesary Kasymov (1824–1847)]. History Cand. Diss. Astana.
19. Mazhitova, Zh.S. (1997) *Voennoe prisutstvie v severo-zapadnom Kazakhstane v XVII–XIX vv.* [Military Presence in Northwestern Kazakhstan in the 17th–19th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Karaganda.
20. Sarieva, R.Kh. (2002) *Kolonial'naya politika tsarizma v Kazakhstane na primere Turgayskoy oblasti (1868–1914 gg.)* [Colonial Policy of Tsarism in Kazakhstan on the Example of the Turgai Region (1868–1914)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
21. Datsyshen, V.G., Zinoviev, V.P., Lysenko, Yu.A. et al. (2019) *Ocherki istorii osvoeniya i izucheniya Severnoy Azii* [Essays on the history of the development and study of Northern Asia]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Zinoviev, V.P. (2023) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v oblastyakh Stepnogo general-gubernatorstva po dannym perepisi naseleniya 1897 g.* [Interethnic division of labor in the regions of the Steppe Governorate-General according to the 1897 population census]. *Evrasiyskiy mir: istoriya, kul'tura, tsennosti* [Eurasian World: History, Culture, Values]. Proc. of the International Conference. May 12, 2023. Astana: Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University. pp. 115–123.
23. Allworth, E. (2016) *Rossiya: proryv na Vostok. Politicheskie interesy v Sredney Azii* [Russia: a breakthrough to the East. Political interests in Central Asia]. Translated from English by L.A. Igorevskiy. Moscow: Tsentrpoligraf.
24. Bacon, E. (1968) *Central Asians under Russian Rule: A Study in Culture Change*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
25. Malikov, Y. (2011) *Tsars, Cossacks, and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag.
26. Pashino, P.I. (1868) *Turkestanskiy kray v 1866 g.: putevye zametki P.I. Pashino* [Turkestan in 1866: P.I. Pashino's travel notes]. St. Petersburg: Tible i Ko (Neklyudov).
27. The Historical Archives of the Omsk Region (IAOO). Fund 67. List 1. File 88.
28. Katanaev, G.E. (1908) *Zapadno-Sibirskoe sluzhiloe kazachestvo i ego rol' v obsledovanii i zanyatii russkimi Sibiri i Sredney Azii* [West Siberian service Cossacks and their role in the exploration and occupation of Siberia and Central Asia by Russians]. Vol. 1. St. Petersburg: V. Berezovskiy.
29. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1 File 2582.
30. Katanaev, G.E. (1893) *Priirtyshskie kazaki i kirgizy Semipalatinskogo uyezda v ikh domashney i khozyaystvennoy obstanovke (k voprosu o kul'turnom vzaimodeystvii ras)* [The Irtysh Cossacks and Kirghiz of the Semipalatinsk District in Their Home and Economic Environment (towards the Question of Cultural Interaction of Races)]. In: *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. XV(2). Omsk: Tip. Okr. Shtaba. pp. 1–38.
31. Semipalatinsk Regional Committee on the Needs of the Agricultural Industry. (1903) *Zhurnaly zasedaniy* 9, 12, 16 i 19 Oktyabrya 1902 g. [Minutes of the Meetings of October 9, 12, 16, and 19, 1902]. In: *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti* [Works of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry]. T. LVII. St. Petersburg: Kirsbbum.
32. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 2487.
33. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 832.
34. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 833.
35. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 2493.
36. Shmurlo, E.F. (1907) *Russkie i kirgizy v doline verkhney Bukhtarmy (materialy dlya istorii zaseleniya Bukhtarminskogo kraia)* [Russians and Kirghiz in the Upper Bukhtarma Valley (materials for the history of the settlement of the Bukhtarma region)]. In: *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Semipalatinsk Subdivision of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 3. Semipalatinsk: Tipo-lit. Tor-govogo Doma "P. Pleshcheev i Ko."
37. Berezovskiy, E.P. (ed.) (1934) *Sibirskiy kazak: voyskovoy yubileyyny sbornik Sibirskogo kazach'ego voyska 1582–1932* [Siberian Cossack: Military jubilee collection of the Siberian Cossack army 1582–1932]. Harbin: Military Representative Office of the Siberian Cossack Army.
38. The Historical Archives of the Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 4. File 5297.
39. Zinovyev, V.P. (2023) Interethnic division of labor in the Semipalatinsk region according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 142–147. (In Russian).
40. Zinovyev, V.P. (2023) Interethnic division of labor in the Akmola region according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 152–156. (In Russian).
41. Sereda, N.A. (1870) *Bunt kirgizskogo sultana Kenisary Kasymova (1838–1847)*. Ch. 1 [Rebellion of the Kyrgyz Sultan Kenisary Kasymov (1838–1847). Part 1]. *Vestnik Evropy*. 4(8). pp. 541–573
42. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 405. List 6. File 1569.
43. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 1264. List 1. File 348.
44. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund I-4. List 1. File 3392.

Сведения об авторе:

Прохоров Игорь Русланович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального архива Республики Казахстан (Астана, Казахстан). E-mail: prohorov1974@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Prokhorov Igor R. – Cand. Sci. (History), research fellow, National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: prohorov1974@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 26.10.2024; accepted for publication 01.04.2025